

**Интервью с Наталией Черныш,
доктором социологических наук, профессором кафедры
социологии Львовского национального университета имени
Ивана Франко накануне 70-летия со дня ее рождения**

**(интервью проводила Татьяна Лапан, доцент кафедры социологии
Львовского национального университета имени Ивана Франко)**

Т.Л.: Наталия Иосифовна, для нас важно Ваше личное становление как человека сквозь призму Вашей биографии. Какие основные события, даты и люди в жизни повлияли на Вас как личность? В Вашем случае, кто или что в большей мере повлияло на Ваш профессиональный выбор: Ваше личное трудолюбие, самодисциплина, творческий и научный потенциал или же влияние социального окружения: родителей, учителей, друзей, коллег? Почему выбор был за социологией, а не другой “молодой и незнакомой” наукой?

Н.Ч.: К социологии мой путь был длинным и извилистым: по своему первому образованию я историк, по первой ученой степени — философ, по второй, докторской, — социолог. Когда я поступала на исторический факультет университета им. Франко (а это было в 1966 году), социологии как самостоятельной академической науки в СССР не было, я и не подозревала о ее существовании. Мои родители были историками, возможно, поэтому с детства меня привлекала история, а еще конкретнее — такая ее ветвь, как археология. В то же время у меня был определенный талант к писанию сочинений (даже в стихах), издавала школьную газету, параллельно довольно успешно занималась спортом, имела несколько спортивных разрядов (по плаванию, настольному теннису, гонкам на лыжах, стрельбе из ружья), к тому же любила петь современные песни, даже на английском языке, на школьных вечеринках вместе с нашим ансамблем — то есть с детства имела много интересов и склонностей. Все это, конечно, усложнило выбор жизненного пути в каком-то конкретном направлении. Победили история с археологией, хотя родители представили мне свободу в выборе профессии и не слишком давили своими представлениями. Имею в виду, что их почему-то пугала моя судьба как журналиста и тем более как спортивного тренера или певицы, но какого-то сопротивления или направления на другое я не ощущала. После долгих раздумий я подала документы на исторический факультет.

Во время обучения я присматривалась к другим наукам, которые тогда преподавали у историков. Мне не очень нравилось погружение в древние времена и события — по натуре я была больше “социальным существом”, активно вмешивалась в жизнь во многих сферах, энергия так и била из меня. Но эту энергию и активность тогда можно было проявлять в очень узком спектре; я это подсознательно чувствовала и, поскольку не любила никаких

© Т.Лапан, 2018

© Н.Черныш, 2018

принуждений и ограничений, давала себе свободу (вне учебы) в университетском театре студенческих миниатюр и на спортивных соревнованиях.

Из всех наук, которые тогда преподавались, меня заинтересовала та часть философии, которая занималась изучением общества, преимущественно современного. Пожалуй, в выборе жизненного пути в ходе учебы большую роль играют наши учителя и преподаватели; так и меня заметила профессор О.Веремеева, которая после моих попыток самостоятельно толковать произведения классиков марксизма-ленинизма на старших курсах много работала со мной, помогая искать свою тему, а позже продолжила свое научное руководство, когда я писала свою кандидатскую диссертацию по философии.

То есть почти 20 лет своей жизни я посвятила философии. Именно этой кафедре философии тогда (в 1970–1980-х) подчинялась социологическая лаборатория Львовского государственного университета. После защиты диссертации мне в “нагрузку” и поручили руководство этой лабораторией, поэтому определенная часть моего пути шла параллельно философскими и социологическими стежками. Социология пришлась мне по душе во многом потому, что в отличие от умозрительной философии имела уникальный инструментарий эмпирических исследований, которые могли подтвердить или опровергнуть любые теоретические построения. Я и теперь считаю, что совмещение теории с эмпирией является сильнейшей чертой социологии в отличие от многих наук — от отвлеченно-теоретических до сугубо прикладных по характеру. Другое дело, что многим социологам и сегодня далеко не всегда удается придерживаться баланса этих двух компонентов, о чем я скажу ниже.

Итак, выбор был в конечном счете сделан в пользу социологии, и я никогда об этом не пожалела. Сказать же детально, почему именно социология, очень трудно даже теперь. Припоминаю слова Л.Толстого: если ты можешь сказать, за что ты любишь какого-то человека, то ты его, наверное, не любишь. Скорее, как и у Г.Сковороды, имею дело со “сродным трудом” — он мне по душе, он мне родной, я его делаю с удовольствием и очень редко воспринимаю как дело, которое в тягость. И мой путь не был исключением — многие из моих ровесников-социологов пришли в социологию из разных наук, в основном из экономических, но также и из философских, психологических, филологических, даже физико-математических. Так наша социология становилась на ноги.

Т.Л.: Если М.Драгоманова, М.Грушевского, Б.Кистяковского, Н.Шаповала отнести к зачинателям украинской социологии, то в истории любой науки, в том числе и социологии, должен быть период ее классического развития. Для меня период “украинской классики” связан прежде всего с группой тех социологов, которым сегодня лет 50–60 и больше. Они, как и классики за рубежом на стыке XIX–XX веков, сделали возможным процесс институционализации и академизации социологии в Украине. В то же время к “украинской классике” за пределами Украины можно отнести и достижения украинских социологов в эмиграции пражского межвоенного периода, правда, в то время (1924–1945) по формальным признакам нельзя говорить об институционализации украинской социологии в Чехословакии, хотя некоторые признаки тогда уже сформировались. Речь идет, к примеру, о создании в 1919 году Украинского социологического института в Вене, а позже о перенесении

его в Прагу, об образовании первых кафедр социологии в украинских высших институтах в Чехословакии, об издании там же социологических журналов и работ и т.п.). Считаете ли Вы, что в нынешних условиях происходит процесс повторной институционализации и академизации, если учитывать (в качестве классических) пражский эмиграционный или советский периоды в развитии украинской социологии? Вы, Наталия Иосифовна, в значительной мере вовлечены в процесс институционализации и академизации социологии в Украине. Как Вы считаете, удалось ли нам сегодня в полной мере осуществить этот процесс? Завершен ли он?

Н.Ч.: Я бы отнеслась к этому вопросу осторожно, поскольку приведенные Вами соображения заставили меня посмотреть на украинскую социологию именно под таким углом зрения. Уникальность развития украинской социологии в том, что она имела две ветви — побеги первой, в самой Украине, безжалостно уничтожались вскоре после установления советской власти, побеги второй (на чужбине) не имели возможности естественно развиваться и принести полноценные плоды. Когда М.Грушевский и его соратники создали в изгнании Украинский социологический институт (часто вопреки своим предыдущим научным интересам), они сделали это, чтобы понять причины поражения национально-освободительных движений 1918–1920-х годов и четче выразить устремления тогдашнего украинского общества. К чему именно оно стремилось? К независимости вплоть до создания собственного государства или самостоятельности исключительно в области культуры и автономии в составе других государств в качестве их второсортной окраины? Когда же во времена “хрущевской оттепели” в СССР реанимировали социологию, то совсем с иной целью: она должна была помочь советской власти в выполнении ряда утилитарных задач — от решения проблем повышения эффективности труда в народном хозяйстве до обеспечения процесса коммунистического воспитания ученической и студенческой молодежи. Поэтому не удивительно, что формирование социологической классики в таких различных пространственно-временных и идеологических локусах имело иной характер. Но я лично хорошо знаю и уважаю научные достижения таких ученых — представителей этих двух ветвей, как В.Старосольский и Е.Якуба, М.Грушевский и Н.Панина, Н.Шаповал и И.Попова, О.-И.Бочковский и В.Оссовский, и многих других. Они и являются для меня классиками.

Что касается институционализации социологии, то, по моему мнению, этот процесс может продолжаться долго, гораздо дольше, чем образование социологической классики в рамках своего научного сообщества. Несмотря на все идеологическое давление, табу и запреты, еще в условиях существования СССР закладывались те устои институционализации социологии, которые после провозглашения независимости Украины были развиты в серьезные достижения. Речь идет о почти молниеносном превращении социологии в академическую науку, создании ряда кафедр, а со временем и факультетов социологии в высших учебных заведениях; началась работа специализированных советов, появился ряд социологических исследовательских центров, стали издаваться социологические журналы, была образована Социологическая ассоциация Украины и т.п. Но в то же время требуется совершенствование каждой из этих составляющих, как и оптимизация всего процесса. Возьмем определение термина “институционализация”, и Вы увидите, насколько да-

лек от завершения этот процесс в нашей стране. Например: “Институционализация — это превращение любой сферы человеческой деятельности, в том числе и науки, в устойчивую и самодостаточную систему, способную действовать в направлении удовлетворения определенной общественной потребности”. Здесь каждая составляющая требует приложения для ее реализации таких усилий, что о каком-то конечном результате еще рано мечтать. Поэтому можно, конечно, употреблять выражение “повторная институционализация”, но с серьезными оговорками, и смотреть на реальное состояние и исторические условия больше, чем на определение.

Т.Л.: *Ю. Андропов в начале 80-х годов XX века констатировал: “Мы не знаем общества, в котором живем”. Эта оценка была дана советскому обществу на завершающем этапе его исторической траектории. Как Вы считаете, не остается ли “формула Андропова” актуальной и сегодня, и украинские социологи не так уж хорошо знают общество, в котором живут? Возможно, Вы опровергаете или опровергнете этот тезис. Как можно изменить ситуацию?*

Н.Ч.: В советские времена руководство СССР действительно не знало общества, в котором оно властвовало, за что в итоге и поплатилось. Меня до сих пор удивляет, почему высшая власть и сейчас так упорно игнорирует знание о реальном состоянии общества и опыт других стран. Меня удивляет, когда при мнимой поддержке лозунга о внедрении “пожизненного образования” представители властных структур на каждом шагу сами демонстрируют кричащую профессиональную некомпетентность и невежество. Ведь украинский случай не уникален; многие страны даже из бывшего “социалистического лагеря” и некоторые республики из СССР смогли достаточно быстро преодолеть так называемое советское наследие и стремительно двинуться вперед. А Украина — страна с колоссальными природными, социальными и человеческими ресурсами — так долго барахтается в этом болоте и пока не способна продемонстрировать миру нечто большее, чем сила коррупции или кумовства (конечно, кроме Майданов). Все эти стенания по поводу сильной руки или финансовой поддержки Запада, сугубо догоняющего развития и того, что “так исторически сложилось”, не могут опровергнуть доказанного факта профессиональной несостоятельности власти и ее нежелания учиться. Но в определенной степени это присуще и обычным людям, и украинской социологии. Я не знаю нации, где бы уроки истории так плохо усваивались абсолютно всеми — от самых высоких властных фигур до рядового гражданина. Кстати, кто мне ответит: почему все эти властные лица с каждым годом все больше напоминают откормленные рыла? Кто бы и когда бы ни оказывался во власти, почему-то сразу начинает толстеть и с трудом влезает в экран телевизора...

Что касается украинских социологов, то и они знают свое общество еще недостаточно хорошо по разным причинам. Поскольку социология — наука наполовину исследовательская, то в первую очередь нужно соответствующее финансирование со стороны власти. О власти и ее нежелании учиться и знать реальное состояние вещей уже говорилось; от этой констатации плавно перейдем к систематическому урезанию средств на проведение исследований, на работу научно-исследовательских учреждений, на оплату опросов и других замеров ситуации в Украине. На одном энтузиазме далеко не уедешь, о чем свидетельствует “выпадание” Украины из новых волн международных

социологических исследований из-за тривиальной нехватки средств. И кто знает, какими титаническими усилиями сопровождается поиск необходимых средств для ежегодных мониторингов, которые проводит Институт социологии НАН Украины; кто может представить себе, что выпуск единственного в стране академического издания по социологии осуществляется при помощи добровольных пожертвований коллег по цеху... Это все понятно и уже стало “общим местом”, ведь и все остальные науки в стране находятся не в лучшей финансовой ситуации. Кроме того, вызывает удивление упрямое нежелание властей по крайней мере ознакомиться с результатами проведенных исследований — вспомним хотя бы наш последний октябрьский (2017 года) III Конгресс Социологической ассоциации Украины, посвященный социальным неравенствам, который прошел абсолютно незаметно для наших руководителей, хотя взрывоопасная ситуация с бурным ростом этих неравенств в стране напрямую угрожает их сытому существованию. И социология в этом смысле четко улавливает общественные настроения: недаром XVIII Всемирный конгресс социологов 2014 года был посвящен неравенствам, а следующий XIX конгресс летом 2018 года будет посвящен уже насилию, возникающему как реакция на вопиющую несправедливость в отношении обездоленных и исключение их из полноценной жизни.

Что касается отечественных реалий, то во многом (помимо внешних причин, которых, кроме плохого финансирования, существует еще несколько) сами социологи виноваты, что их научные исследования о современном украинском обществе недостаточно востребованы и со стороны власти, и со стороны самого этого общества. Можно сколько угодно кричать о нехватке средств и невнимании властей, полагаться на стереотипы общественного мнения в отношении социологии (дескать, “вся социология является продажной девкой политики”), но, пожалуй, и сами мы страдаем “мелкотемьем”, бегством в прикладные (маркетинговые или электоральные) исследования, незнанием современных методов и технологий эмпирических исследований, слишком долгими сроками как проведения этих исследований, так и осмысления их результатов и т.п. Иногда с начала какого-либо исследовательского проекта и до обнародования хотя бы дескриптивного или аналитического материала проходит так много времени, что полученная социологическая информация теряет свою актуальность и ценность. Возможно, поэтому мы до сих пор не знаем, в каком обществе мы живем и как выбраться из застоя и стагнации. Каждое политическое потрясение отбрасывает нас на несколько лет назад; не стоит удивляться, что мы все еще не достигли уровня развития 1991 года, тогда как многие страны ушли далеко вперед. Уверена, здесь виноваты мы все:

- непрофессиональная власть, которая упрямо не желает учиться и всю свою энергию направляет на личное благосостояние;
- социология, которая прячется в раковину академической университетской науки, или переходит на “хлеба” различного рода грантов, или деловито прядет бесконечную паутину зарабатывания;
- рядовые граждане с их патерналистскими установками и пассивностью из-за усталости от регулярных бедствий. Слишком тонкий пласт активного в социальном плане населения, отток “интеллекта” талантливой и креативной молодежи замедляют социальное развитие страны и сводят на нет надежды на ее взлет.

Как изменить эту ситуацию? Доминирующий ответ — “не знаю”; то есть все упирается в отсутствие этого знания, которое нужно приобретать всем. Власти нужно учиться, ведь украинские реалии не во всем уникальны, и мировой опыт дает хорошие примеры выхода из перманентного кризиса. Это же касается и социологов, многие из которых, достигнув определенной ступеньки или заняв какую-то должность, считают, что учиться должны разве что дети; ярче всего эта неприязнь к знаниям проявляется в незнании иностранных языков и неспособности осмысливать процессы, имеющие место в развитии нынешнего социума и социологической мысли сегодняшнего дня. Поэтому нам нужно учиться всю свою профессиональную жизнь, иначе мы выпадем из обоймы специалистов и окончательно заснем в своем подернутом тиной провинциальном болоте. И людям нашим также нужно *научиться учиться* в течение всей жизни, ведь жизнь не стоит на месте и все время пытается убежать от нас, а когда мы не успеваем за ней, делает нас смешными и неумелыми даже в глазах наших детей. Ведь во всех этих трех сферах — власть, социология и общество — проблемы возникают тогда, когда говорят, разводя руками, “не знаем, что делать”. Не знаем — так нужно знать, а чтобы знать, следует учиться. И я не вижу иных рецептов.

Вместе с тем речь идет о рецепте, состоящем из нескольких ингредиентов. Хочу сослаться на глубокую мысль известного американского социолога японского происхождения Таичи Сакайя: из окружающей нас информации нужно добывать знания, а знания переплавлять в мудрость. Эта известная, но призабытая формула: **“информация — знание — мудрость”** и воплощает для меня путь выхода из многих наших бед. К сожалению, многие наши люди, особенно молодежь, еле справляются с избытком информации, которая уже превратилась в *эксформацию* (то есть уже не воспринимается и остается внешней по отношению к человеку), и не могут отличить правдивую информацию от фейковой. Но гораздо хуже обстоят дела с получением знаний, ведь даже имея знания, их часто используют для уничтожения окружающей среды и человечества, а не на его благосостояние и процветание. Печально известна в этом плане украинская поговорка: “знать, чтобы много украсть и не сесть” во многих случаях символизирует такую разновидность “житейской мудрости”, от которой нужно решительно избавляться, ведь с этим мы никогда не войдем в мировое сообщество как нация молода и одновременно мудрая, способная на инновационные прорывы в будущее.

Т.Л.: *Какие изменения/динамику/трансформации в нынешней украинской социологии Вы заметили по сравнению с концом XX века?*

Н.Ч.: Думаю, что особо сильных изменений в нашей социологии еще не произошло. Самое главное, что ей присуще, — это упрямое нежелание или неспособность к завершению целостной структуры социологии как науки. Всегда вспоминаю выражение своего коллеги (к сожалению, его уже нет с нами) В.Тарасенко о том, что украинская социология напоминает ему дом, у которого довольно крепкий фундамент (то есть прикладные исследования), тоненькие стены специальных и отраслевых теорий (или теорий среднего уровня, по Р.Мертону), но пока нет крыши — общей социологической теории. Поэтому он определял украинскую социологию как науку с *недостроенным* интеллектом. Надежду вызывает лишь дымоход, из которого идет дым как признак того, что жизнь нашего социологического сообщества все же теплит-

ся. Эта фобия к теоретизированию в сочетании с низкой осведомленностью о развитии мировой социологической мысли, отрыв теории от эмпирических исследований (а иногда и пропасть), неспособность даже при условии получения новой социологической информации трансформировать ее в новое знание, предложить обществу мудрые решения существующих проблем — все это не преодолено до сих пор. Прошло более 25 лет с начала развития социологии в Украине как самостоятельной науки, а мы еще и ныне не можем осуществить концептуализацию состояния современного украинского общества, воплощенную в серьезную социологическую метатеорию. Однако же давно известно, что нет ничего более практичного, чем сильная теория... Хотя определенные положительные сдвиги нельзя не отметить.

В 2017-м свет увидели две коллективные монографии киевских социологов: “Состояние сингулярности: социальные структуры, ситуации, повседневные практики” и “Состояние современного украинского общества: цивилизационное измерение”. Это, я считаю, одни из первых ласточек в деле осмысления реального бытования украинского социума и одновременно книги, которые содержат глубокие теоретические обобщения инновационного характера и существенно расширяют используемый сегодня понятийно-категориальный аппарат, что может послужить весомой базой для формирования социологической науки в посткоммунистических странах. Нельзя пренебрегать и появлением целой плеяды ярких молодых отечественных социологов, которые стремительно ворвались в наше академическое сообщество во многом благодаря регулярному проведению международного профессионального конкурса “Лучший молодой социолог года” Социологическим центром имени Н.Паниной. Речь идет о С.Бабенко, А.Зоткине, С.Дембицком, А.Мельникове, Т.Никитиной, А.Шульге и других, не менее талантливых наших молодых коллег. Попутно добавлю, что начиная с 2007 года среди победителей этого конкурса было четверо молодых ученых с кафедры социологии Львовского национального университета имени И.Франко — О.Демкив, Т.Бурейчак, В.Середа и Д.Судин. То есть дым из дымохода все же идет, и интеллектуальная крыша нашего социологического строения понемногу возводится.

Т.Л.: *Украинские социологи работают над тем, чтобы получить признание на международном уровне. Что, по Вашему мнению, нужно для этого сделать в украинской социологии?*

Н.Ч.: Сразу скажу, что это очень нелегкое дело в том смысле, что на международной социологической арене получить признание представителю “бедного социологического Юга”, по выражению М.Буравого, можно лишь путем презентации серьезного научного достижения. Припоминаю размышления на эту тему выдающегося российского (оппозиционного к тамошней “придворной социологии”) ученого В.Ядова. По его мнению, в социологическом сообществе России не наблюдается концептуальной рефлексии о самом обществе, поэтому для российских социологов главной задачей является создание общесоциологической теории, которую бы профессиональное сообщество признало в качестве “гранд-теории”. В.Ядов считал, что ни одна иностранная “гранд-теория” для российской социологии не подходит; нужна собственная российская социологическая теория. Слабым утешением для украинской социологии является заключительный

вывод В.Ядова о том, что в России нет своего собственного крупного макро-теоретика. И еще меньшим утешением для нашей социологии является то, что зарубежные исследователи с мировым именем ее “не видят” даже среди представителей социологической периферии, куда российская социология все же попала.

Тезисы В.Ядова подхватывает известный российский социолог В.Радаев, акцентируя то, что экспорт локальных исследовательских продуктов в эпоху глобализации становится все более проблематичным. Что же делать? Следует, по его мнению, конвертировать свой потенциал в форму, которая будет восприниматься мировой социологической мыслью. Правда, в отношении такой формы у Радаева еще нет четких представлений; однако он видит один из путей решения этой проблемы в формировании содержательных связей или интерфейсов между диверсифицированными подходами как в самой социологии, так и за ее пределами, обмен смыслами и возведение мостов между социологией и другими науками.

Какие же выводы можно сделать для нас, украинских социологов? Полагаю, их несколько, как бы тривиально они ни звучали.

1. Настойчиво учиться и овладевать всем многообразием достижений современной социологии в их гармоничном единстве — и в области теории, и в сфере новых методик эмпирических исследований, чтобы получить и регулярно подтверждать свою специальность в течение всей своей профессиональной деятельности.

2. Быть способными к углубленным рефлексиям в отношении новых социальных положений, процессов и явлений, к формулировке и отстаиванию своих взглядов в дискуссиях со своими украинскими и зарубежными коллегами¹.

3. Критически относиться к любым зарубежным теоретическим традициям и новациям в смысле отказа от автоматического перенесения их на украинскую почву; отбор тех “рациональных зерен”, которые можно использовать для анализа реалий современной Украины.

4. В ситуации мультипарадигмальности уметь выделять аксиологические ядра самых распространенных подходов и парадигм с учетом последних достижений социогуманитарных и естественных наук.

5. Заботиться об органичной связи теории и эмпирии; применять для анализа всех секторов социальной реальности адекватные теоретическим положениям методы; овладевать скоростными технологиями социологических исследований, способным адекватно отражать и анализировать быстротечную социальную реальность.

6. Достраивать наш “социологический дом” в смысле создания общесоциологической теории современного украинского общества.

7. Это может быть разновидность “гранд-теории” (или общая социологическая теория) для изучения и объяснения социальной реальности в посткоммунистических странах, которые возникли на просторах бывшего СССР и имеют много общего в своем развитии.

¹ Одной из самых слабых черт современной украинской социологии я считаю практическое отсутствие научных дискуссий в нашем социологическом сообществе.

Т.Л.: Заметили ли Вы изменения/динамику/трансформации в мировой социологии по сравнению с концом XX века?

Н.Ч.: Ответ на этот вопрос содержится и в моем выступлении на октябрьском 2017 года III Конгрессе Социологической ассоциации Украины, и в его расширенной версии, опубликованной в нашем академическом журнале “Социология: теория, методы, маркетинг” под названием **“Социология сегодняшнего дня: теории и перспективы развития”**¹. Если кратко изложить мои рассуждения, то они состоят в следующем. Изменения, трансформации и динамику развития мировой социологической мысли можно заметить только путем сравнения ряда содержательных характеристик, свойственных социологии как науке в определенные исторические периоды. Ретроспективный обзор этого развития оказывается синхронным обнаруженному И.Пригожиным эффекту “стрелы времени” (или необратимости времени). То есть социология как наука возникла по образцу естественных наук начала XIX века, построенных на понятиях устойчивости, порядка, однородности и равновесия. Традиционная наука вместе с социологией изучала главным образом закрытые системы и линейные соотношения, в которых слабый сигнал на входе вызывал слабый отклик на выходе. Аналитики подчеркивают, что пригожинская теория акцентирует аспекты реальности, наиболее характерные для современной стадии ускоренных социальных изменений: неупорядоченность, нестабильность, многообразие, неравновесность, нелинейные соотношения, в которых слабый сигнал на входе может вызывать мощный отклик на выходе (вспомним известный “эффект мотылька”). Большинство систем ныне открытые; они обмениваются энергией, веществом, информацией с окружающей средой. К их числу принадлежат биологические и социальные системы, а это означает, что любая попытка понять их в рамках механистической модели сегодня уже заведомо обречена на неудачу.

Применительно к современной социологии использование теории диссипативных структур Пригожина и его “стрелы времени” для изучения нынешних сложных социальных систем означает для социологии несколько принципиально важных положений: во-первых, признание их преимущественно открытыми системами, во-вторых, понимание их развития как прежде всего нелинейного по характеру, в-третьих, потребность в переходе от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому. Иными словами, в мировой социологической мысли становится все более явственным переход от классической упорядоченности и однозначности социологии через ее гибридные состояния и попытки внедрения универсалий эпохи глобализации к сингулярностям и моделям нелинейного развития саморегулируемых систем с эмерджентными характеристиками, присущими дню сегодняшнему. В этом проявляется взаимосвязанность естественного и социогуманитарного знания и формируется соответствующий запрос на расширение междисциплинарных связей между этими науками. Ныне социология уже не может развиваться в своей раковине, какой бы уютной и привычной она ни была.

¹ См. подр.: Черныш Н. Соціологія сьогодення: тенденції та перспективи розвитку // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2017. — № 4. — С. 5–21.

Самым главным, полагаю, является то, что время становится необратимым и для социологии и социологов; все мы больше не можем позволить себе быть такими, как прежде, вследствие усиления открытости и сложности современных социальных систем, с одной стороны, и в результате стремительного устаревания применявшихся прежде нами теоретических конструкций и методик эмпирических исследований, с другой стороны. Понимаю, как сложно будет всем нам ломать упроченные стереотипы теоретизирования и приобретенные навыки осуществления социологических исследований, учитывать все указанные новации в процессе преподавания и подготовки молодых ученых. Но иного пути я не знаю. Будем учиться, коллеги.

Т.Л.: Благодарю, Наталия Иосифовна, за живой интересный рассказ, дающий представление о Вас и как о человеке, и как об известном украинском социологе старшей генерации, способным учиться и овладевать новыми сложными и непривычными достижениями современной науки. Иногда и нам, младшим по возрасту, приходится Вас догонять.

Статья поступила 14.01.2018